

Наукові інтереси: інтерпретація художнього тексту, порівняльне літературознавство.

СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Елена ЖДАНОВА (Ставрополь, Россия)

У статті розглянуто механізми суггестивного впливу на особистість за допомогою поетичного тексту. Матеріалом дослідження слугують тексти В.Хлебнікова.

The mechanisms of suggestive influence to the personality with the help of poetical text are under consideration in the article. Studying materials are the texts by V.Khlebnikov.

Одна из движущих сил человеческого развития – желание воздействовать на себе подобных – воплощается в понятии суггестии. Языковые механизмы воздействия на сознание и/или подсознание человека сегодня пытаются использовать везде: в рекламных текстах и средствах массовой информации, педагогике и политике, религиозной практике и литературе. Именно поэтому изучение языковых приемов и средств суггестивного воздействия сегодня представляется особенно важным и актуальным.

Целью нашей статьи является изучение явного и скрытого внушения, осуществляемого через текст.

Выделяется группа специальных текстов, непосредственно реализующих суггестивную функцию: заговоры, заклинания, мантры, молитвы, позднее – формулы гипноза и аутотренинга. С древнейших времен люди пытались создать тексты, способные материализовать волю говорящего, так или иначе изменить положение вещей. Основная роль в этом процессе принадлежала тем, кто владел сакральным знанием – жрецам, первым хранителям тайны Слова. Вербальная часть осуществляемого ими обряда постепенно приобретала все большее значение. Со временем ритуальные действия постепенно оказались вытеснены их словесным сопровождением. Так сформировались древнейшие суггестивные тексты, в которых сконцентрировалась энергия обрядовых действий. Слово как таковое стало основным средством реализации прагматической функции обряда, а сами суггестивные тексты обрели коммуникативную маркированность. Их и сегодня отличают общие формальные и семантические признаки: наличие вокативов, призывов, вопросов, просьб, угроз, особое композиционное членение.

Поэзия как искусство слова с древнейших времен рассматривалась как нечто магическое, сакральное. Известно, что слово в поэзии отличается необыкновенной многомерностью. Именно поэтический текст дает возможность проявиться всем компонентам значения слова. Различные оттенки смысла взаимодействуют, усиливая и укрепляя друг друга, образуя новое – синтетическое – значение, что и ведет к сакрализации текста.

Рассматривая поэтический текст как семиотическую систему, содержащую «веер языков» и не предполагающую однозначной интерпретации, можно выявить в его организации точки пересечения со структурой традиционных суггестивных текстов. Это, например, наличие рифмы, строфическая разбивка, повторы на разных уровнях текста, приемы языковой игры (анаграммирование, палиндромия, глоссолалия), особое употребление собственных имен. В этом отношении наиболее интересны те произведения, авторы которых заявляли о своем намерении придать тексту специальные суггестивные свойства. Так, в поэзии В.Хлебникова преднамеренное внушение носит характер фасцинации – специально организованного словесного воздействия, предназначенного для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения реципиентами, за счет чего повышается возможность ее воздействия на их поведение. Внимание уделяется не только слову, но и его составляющим: «... Все разнообразие слова исходит от основных звуков азбуки, заменяющих семена слова».

Тексты выстраиваются В.Хлебниковым в соответствии с фонетической и грамматической структурой языческих суггестивных текстов. Непонятность, запутанность речи, усложненность языкового сигнала со времен язычества воспринимается как недоступный сознанию непосвященных символ *чужого, иного*. Отсюда – убежденность поэта в том, что «непонятым словам приписывается наибольшая власть над человеком,

чары ворожбы, прямое влияние на судьбы человека. В них сосредоточена наибольшая чара». Цель художника - объединить человечество, изобрести для него общую языковую основу. Таким должен стать «звездный» язык, в основу которого поэт кладет звуковые комплексы, построенные на символическом значении звуков и имеющие сходство (или даже прямо совпадающие) с фонетическими особенностями заговоров, заклинаний, молитв и т.п.

Некоторые тексты, по замыслу Хлебникова, прямо реализующие суггестивную функцию, носят соответствующие названия, как, например, знаменитое стихотворение «Заклятие смехом». Созданию суггестии здесь способствуют многочисленные повторы слов с одним корнем (принцип «скорнения»): *смехачи, смехами, рассмешиш, смех, смейево, смехачей, смеячей, смешики, смеюнчики; рассмейтесь, засмейтесь, смеются, смеяствуют, иссмеяся, усмей; смеяльно, усмеяльно, рассмеяльно и т.д.* В грамматическом отношении преобладают глаголы в императиве и существительные, называющие исполнителей воли говорящего; отсутствуют предлоги. Такие грамматические признаки, по мнению исследователей, присущи и славянским суггестивным текстам.

В других текстах языковое воздействие осуществляется через использование «внутреннего склонения» слов, то есть повторение незначительно различающихся (например, одним звуком) звукосочетаний, слогов, словоформ. Так, в сверхповести «Зангези» поэт передает «разговор богов» (*Эмчь, Амчь, Умчь!!! Думчи, дамчи, домчи.// Макарако киочерк!//*), подбирая для каждого божества специальный набор звуков, отличающийся, как заметила Н.Перцова, определенной стабильностью. Поэт имитирует речевое поведение мифологических персонажей, отличавшееся как раз сложностью звуковых сигналов, нечленораздельным бормотанием, обилием междометных возгласов. При этом лежащий в основе их «реплик» принцип повтора мог сочетаться с рифмовкой, что должно было запугать человека, сбить его с толку – а это уже проявление суггестии.

Введение в текст фрагментов «заумного языка», наряду с принципом «внутреннего склонения», придает тексту сакральную окрашенность, наделяет его особой силой внушения. Такое необычное речевое поведение, имитация «говорения» на неизвестном языке, или глоссолалия, известное во многих религиозных традициях, нередко рассматривается как одно из средств глубокого проникновения в бессознательное. Так, среди видов медитации различают «божественную медитацию», при которой говорящий становится как бы проводником речей божества, и «медитацию чепухи», представляющую собой способ самоуспокоения путем выплескивания чужого, тревожащего (это и есть проявления глоссолалии – бессвязные речи, произнесение речеподобных звуков).

Опыты Хлебникова по созданию заумного языка также можно соотнести с мантрическим воздействием. В «сверхповести» «Зангези» наиболее частотными в глоссолалической речи главного героя являются звуки О,У,М, что позволяет провести параллель с мантрами, опирающимися на «великий слог» ОМ (ОУМ). Поэт порождает текст суггестивного характера, стремясь изменить установки сознания читателя, приобщить его к утраченным ценностям древности.

Еще один способ реализации авторской воздействующей целеустановки в поэтическом тексте – анаграммирование ключевых слов. Анаграммирование как прием встречается уже в древнейших поэтических традициях. Так, гимны Ригvedы, посвященные восхвалению божества, строятся вокруг ключевого слова - имени бога. Имя может и не упоминаться, оно священно и не подлежит разглашению, поэтому оно разбивается на звуки или слоги, повторяющиеся в тексте. Таким способом может «кодироваться» информация об адресате (божестве), адресанте (авторе гимна), теме гимна.

В поэзии В.Хлебникова анаграммы – один из способов воздействия на читателя. Наделяя сакральным смыслом составные части имени – буквы и звуки, поэт утверждал: «Пространство звучит через Азбуку!». Так, в стихотворении «Перуну» тема славянского бога реализуется как на лексическом, так и на фонетическом уровне. Помимо употребления имени в обращении, по тексту разбросаны сочетания звуков, входящих в состав имени: *Ты знаешь: ПУ измЕнит ПРЯ,// И стаНЕем вЕРНЫ, о ПЕРУНЕ,// Когда желтой и белой силы ПРЯ// ПЕРЕд тобой вновь объединит нас в УНЕ.// Навьем возложЕНный на сани,// Как НЕкогда ты ПРОплыл ДНЕПР – // Так ты окончил ПЕРУНЕПР,// Узнав вновь сладость всю касаний.*

Стихотворение «Перуну» - это размышления поэта над судьбой славян (что подтверждается и звуковой инструментровкой – обилие сочетаний типа *ла, оло, лы, сла*). Путь

Перуна по Днепру – метафорический путь славянских народов. Отказ от наследия прадедов обрек славян на бесплодные, бесприютные скитания, духовные и физические: *Не предопределил ли ты Цусимы //Роду низвергших тя людей?* Важно введение в текст имени бога в звательной форме – *Перуне*: поэт как будто взывает к богу, умоляя его вернуться. Вторая звательная форма – *Боже* – тоже обращена к Перуну: для лирического героя существует лишь один бог – Перун. Неологизм *Перунепр*, созданный сложением частей слов *Перун* и *Днепр*, выступает в значении «этап», «страница истории». «*Окончить Перунепр*» означает перейти к следующему этапу истории, при этом Перун выступает символ возрождения славян, их духовной мощи и единства.

Рассматривая суггестивный потенциал поэтического текста, нельзя обойти вниманием имена собственные, которые могут стать эффективным средством воздействия на читателя. Нередко имя становится центром смысловой организации текста, поскольку оно концентрирует в себе наиболее существенные черты времени или события, к которому оно отсылает.

В поэзии Хлебникова каждое слово может выступать как личное имя. Имя собственное понимается как скрытая сущность вещи, и ничто не может выразить эту сущность лучше, чем непосредственное название. Поэтому в ономастической системе Хлебникова много ИС, возникших на базе апеллятивов: *С сетями ловли бога // Великий Тополь // Ударом рога // Ударит о поле // Волною синей водки //*.

Использование слова *Тополь* как личного имени указывает на его особую важность. Апеллятив *тополь* реализует в тексте мифологему дерева, понимавшегося в мифопоэтической традиции как средство связи «верхнего» и «нижнего» миров. Крона тополя – в *надмирной синей тоне*, т. е. в верхнем мире. «Обитатели» верхнего мира – солнце, туча, небесные стада (*ловит рев волов*); тополь ловит их подобно тому, как люди ловят осетра. Рыба (осетр) – представитель «нижней» космической зоны мирового дерева. Таким образом, использование сразу двух имен – собственного и нарицательного – по отношению к одному объекту позволяет актуализировать различные качества носителя имени, что расширяет семантическое пространство текста.

Дерево в мифологическом сознании – это еще и объект поклонения, особая модификация верховной силы. Персонифицированное божество и выступает в тексте под именем *Тополь*. Примеры подобной персонификации можно обнаружить и в других текстах Хлебникова: *Старые миштые деревья стояли в сумраке важно, как старики, и перебирали на руках четки ползучих растений*. Или: *И каждое дерево, / Как зеленый рыбак, / Раскинуло зеленый невод / В бесконечную синь моря неба / И ловит солнце трудолюбивей*.

Другой пример: *Железной палкой сотню раз /Пересеченная Игла,/ Серея в небе, точно Мгла, /Жила*. Игла и мгла, получившие личные имена, позволяют представить металлическую опору на линии электропередачи как магический атрибут божества. Богом XX в. Объявляется электричество, соединяющее в себе персонифицированные поэтом силы двух стихий: природной (Мгла) и технической (Игла). Употребление в качестве ИС апеллятивов дает возможность «вписать» новое божество в создаваемый им пантеон, осуществляя характерную для языческого мировосприятия табуистическую замену сакрального имени, обозначить божество через его атрибуты. Древнее сознание рассматривало произнесение или запись имени как магический акт, отсюда – запрет на употребление в речи особо значимых имен.

Произнесение имени в поэзии – это акт приобщения к сущности его обладателя: *Я же шептал в темноте // Имя Мехди. // Мехди?* Мехди (Махди) – мусульманский мессия, который должен появиться за несколько лет до Страшного суда, чтобы установить царство справедливости. Хлебников в стихотворении отождествлял себя с Мехди, он стал им, произнося его имя. Такое же приобретение к ценным качествам носителя ИС через имя встречаем в стихотворении «Люди! Над нашим окном...», где имена Платона и Пугачева выступают как эталон, с которым следует соотносить свои действия.

Палиндромия – еще один механизм создания суггестивного эффекта в поэзии. У Хлебникова это могут быть целые тексты, одинаково читающиеся и слева направо, и наоборот, как, например, «Перевертень», или отдельные строки палиндромического характера. В.Хлебников утверждал: «Я в чистом неразумии писал «Перевертень» и, только пережив на себе его строки: «Чин зван мечем навзничь» (война) – и ощутив, как они стали позднее пустотой: «Пал, а норов худ и дух ворона лап», – понял их как отраженные лучи

будущего, брошенные подсознательным «Я» на разумное небо. Таким образом, «Перевертень» можно рассматривать как текст-пророчество. «Говорение наоборот» - в мифологической традиции одна из характерных черт прорицателей, чье слово отличалось особой силой воздействия.

Фоносемантический анализ стихотворения «Перевертень» показывает, что наиболее частотными в нем являются звукобуквы И, Л, З, О, что свидетельствует об их особой смысловой нагруженности. Знаменательно, что эти звукобуквы составляют ключевое слово *зло*, обозначающее объект, на который направлено действие магии «Перевертня». Подобное анаграммирование ключевых слов характерно для славянских суггестивных текстов. «...Наряду с другими, наиболее частотными являются звукобуквы, входящие в состав ключевых слов тематических слов заговоров: *З, У, Б, Ы* в заговорах «на зубы» и *К, Р, В'* – в заговорах «на кровь», – утверждает И.Черепанова, отмечая при этом, что набор других звукобукв существенно от средних данных не отличается [8: 88].

Текст палиндрома имеет сходство с заговорами и по грамматическому составу. Как и в суггестивных текстах, в нем значительно преобладают существительные, причем если в заговорах их, как правило, более трети (5), то в «Перевертне» они составляют почти половину (48 %). Второе место по употребляемости принадлежит союзам. На третьем месте – глагольные формы (среди которых три императива) и краткие прилагательные, функционально близкие к глаголам (11 %).

Слова, ассоциативно связанные с перемещением: *кони, топот, идем, иди, иди, колесо, сани, плот, воз, ход, дорога* - с содержательной стороны реализуют в палиндроме семантику пути. Однако последняя глагольная форма *лежу* указывает на остановку в движении. И сразу появляются слова с отрицательной семантикой (*зол, гол, лог, лоз*), сменяющиеся указанием на грядущую гибель в случае прекращения движения: *к вам и трем с смерти мавки*. Интересно, что подобная параллель (остановка движения – смерть) обнаруживается и в других текстах В.Хлебникова, например «Трата, и труд, и трение...». Организующая текст идея движения – отличительная черта не только славянских, но и индоевропейских заговоров: образ пути выступает в заговоре как реализация метафорического пути-движения от исходной недостачи к финальному ее восполнению.

Таким образом, в поэзии В.Хлебникова актуализируются языческие представления о поэте-жреце, задача которого - внести гармонию во внешний мир, а значит, и в душу читателя. Метатекстовые данные (статьи «Наша основа», «Курган Святогора», «Свояси») свидетельствуют об изначальной установке на пробуждение в душе читателя архаичного мировидения, исключая вражду между людьми и обеспечивающего тесный союз всего живого и неживого. Такая цель, безусловно, предполагала использование механизмов языкового воздействия, поэтому анализ поэтических текстов В.Хлебникова может быть продуктивным для выявления средств и приемов языковой суггестии и в текстах других типов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Григорьев В.П. Будеглянин. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 816с.
2. Журавлев А.П. Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1991.- 160с.
3. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Издательство Московского университета, 1990. – 269с.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 367с.
5. Топоров В.Н. Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987. – С.99-132.
6. Флоренский П. Имена // Опыт: Литературно-философский ежегодник. – М., 1990. – С. 351-413.
7. Хлебников В. Творения. – М.: Советский писатель, 1987. – 736с.
8. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. – М.: КСП, 1996. – 382с.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Олена Жданова – кандидат філологічних наук, доцент кафедри лінгвістики та лінгводидактики Ставропольського державного університету, Росія.

Наукові інтереси: ономастика, лінгвістичний аналіз тексту.